

Гісторыя

- ¹¹ См.: Ibid. P. 146–147.
- ¹² Цит. по: Анкерсмит Ф.Р. Введение. Трансцендентализм и возвышение и падение метафоры // Философия науки. 2001. № 1. С. 87.
- ¹³ Ankersmit F. R. Op. cit. P. 148.
- ¹⁴ См.: Спигел Г., Фридман П. Иное средневековье в новейшей американской медиавистике // Казус... С. 146.
- ¹⁵ См.: Вупит С. W. Wonder // American Historical Review. 1997. Vol. 102. № 1.
- ¹⁶ Баткин Л. М. Полемические заметки // Одиссей. Человек в истории. 1995 / Под ред. А.Я. Гуревича и др. М., 1995. С. 209.
- ¹⁷ См.: Scott J. W. Gender: A Useful Category of Historical Analysis // American Historical Review. 1986. Vol. 91. № 5. P. 1068.
- ¹⁸ См.: Пушкарева Н. Л. Историческая феминология и гендерный подход в исторических исследованиях: прошлое, настоящее, будущее // ГендерLand. 1997. № 1. Декабрь. С. 2.
- ¹⁹ См.: Collin F. Philosophical Differences // A History of Women in the West. V. Toward a Cultural Identity in the Twentieth Century. Cambridge; London, 1996. P. 261–296.
- ²⁰ Scott J. W. Universalism and the History of Feminism // Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies. 7.1 (1995). P. 7.
- ²¹ См.: Scott J. W. Fantasy Echo: History of the Construction of Identity // Critical Inquiry. 27 (Winter 2001). P. 284–304.
- ²² Пушкарева Н. Л. Гендерные исследования и исторические науки // Гендерные исследования. № 3 (2/1999). Харьков, 1999. С. 178.
- ²³ Пушкарева Н. Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // Женщина. Гендер. Культура: Сб. ст. / Под ред. З.А. Хоткиной, Н.Л. Пушкаревой, Е.И. Трофимовой. М., 1999. С. 23.
- ²⁴ См.: Муравьева М. Г. Гендерная история в Российском ВУЗе: нужна ли она? // Гендерная история: pro et contra: Межвуз. сб. дискус. материалов и программ. СПб., 2000. С. 3–30.
- ²⁵ Ушакин С. А. «GENDER» (напрокат): полезная категория для научной карьеры // Там же. С. 39.

Поступила в редакцию 16.06.2003.

Снежана Александровна Рогач – аспирантка кафедры истории древнего мира и средних веков. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент Е.Д. Смирнова.

Н.В. КОШЕЛЕВА

РОСТ ПОЛИТИЧЕСКОГО АКТИВИЗМА СОВРЕМЕННОЙ МУСУЛЬМАНСКОЙ ОБЩИНЫ США

Анализируется процесс роста политической активности американских мусульман, рассматриваются тенденции интеграционного и сепаратистского характера, присущие мусульманской общине США в современных условиях. Четко различается содержание политического активизма «черных мусульман» и мусульман-иммигрантов, отмечается важная роль последних в дальнейшем развитии американской мусульманской общины.

Political activism of the American Muslims is analyzed and the process of integration and separatism is under consideration as a feature of the American Muslim community nowadays. The article determines the differences of the political activism among black Muslims and immigrant Muslims as well as substantiates an important role of the latter in subsequent development of the American Muslim community.

В течение XX в. ислам распространился за пределы своего традиционного ареала. В результате миграции людей и идей он прочно утвердился на Западе, в том числе в Соединенных Штатах. Согласно отчету Американского мусульманского совета, в 1993 г. в США насчитывалось 5–8 млн мусульман, из них выходцы из Индии, Пакистана, Бангладеш составляли 24,4 %; арабы – 12,4 %; африканцы – 5,2 %; иранцы – 3,6 %; турки – 2,4 %; эмигранты из Южной Азии – 2 %; белые – 1,6 %; остальные – 6,4 %¹. Кроме того, в США проживает около 5 тыс. испаноязычных мусульман, число которых продолжает расти.

Мусульмане прибывали в США практически из всех стран, где существует ислам, однако основной поток миграции шел из Южной Азии, Ирана и арабских государств. Помимо мусульман-иммигрантов, ислам в США исповедуют и коренные американцы. Это обращенные в ислам афроамериканцы, которые составляют 42 % от общего числа мусульман Америки. К данной группе относятся также принявшие ислам белые, индейцы и латиносы.

Таким образом, мусульманская община США представлена двумя основными группами: иммигрантами и обращенными американцами.

Американские мусульмане, в отличие от европейских, проживающих компактно на отдельных территориях, рассеяны по всей стране. Тем не менее можно выделить десять штатов, где сосредоточено около 70 % мусульман: Калифорния, Нью-Йорк, Иллинойс, Нью-Джерси, Индиана, Мичиган, Виргиния, Техас, Огайо и Мэриленд.

Американская мусульманская община относительно молодая даже по сравнению с европейскими странами. Она до сих пор находится в процессе формирования и занимается поиском своей ниши в американском обществе. В этом смысле весьма показательна 33-я ежегодная конференция Исламского общества Северной Америки, состоявшаяся в сентябре 1996 г. Более тысячи американских мусульман США и Канады встретились в Колумбии, штат Огайо, чтобы ответить на один единственный вопрос, стоявший в центре дискуссий: какую роль может или должен играть ислам в жизни американского общества? Выступавшие обращали внимание на несправедливую политику в отношении этнических, расовых и религиозных меньшинств, указывали на необходимость борьбы с теми предрассудками, которые тиражируются средствами массовой информации в отношении мусульман, требовали увеличения политического представительства от мусульманской части американского электората. Халед Саффури, один из руководителей Американского мусульманского совета, заявил: «Мы – часть Америки и, как любое другое меньшинство, должны заботиться о нашей общине и занять заслуженное место на политической карте этой страны»². В словах мусульманского лидера выражена четкая и недвусмысленная ориентация американских мусульман на более активное участие в общественно-политической жизни общества.

Подчеркнем, что политический активизм первоначально был присущ исключительно «черным мусульманам», т. е. афроамериканцам, совместившим ислам с доктриной черного национализма. Они использовали ислам в собственной, довольно смелой интерпретации как своеобразную идеологию борьбы за гражданские права черного населения, отстаивали принципы черного сепаратизма и с самого начала существования афро-американской мусульманской общины призывали к созданию отдельной территории в границах Соединенных Штатов. При этом «черные мусульмане» долгое время отказывались от политики гражданского согласия и участия в общеамериканском политическом процессе, и это придавало их деятельности радикальный характер³.

Что же касается мусульман-иммигрантов, то они начали проявлять интерес к политическим проблемам только со второй половины 1960-х гг. До этого времени, за исключением некоторых европейских и турецких групп, иммигранты оставались политически пассивными, ограничивая свою деятельность рамками локальных мусульманских общин. Мусульмане-иммигранты и их потомки не принимали участия в выборах, не имели своего представительства в Конгрессе и вообще старались быть как можно более незаметными в американском обществе. Они, по существу, были заняты борьбой за выживание в совершенно чуждом и непривычном для них мире.

Ситуация резко изменилась после 1965 г., когда в результате либерализации американского иммиграционного законодательства в США хлынул поток высококвалифицированных специалистов и студентов из мусульманских стран. Как правило, это были люди политически грамотные, хорошо разбиравшиеся в международной обстановке. Среди них было немало беженцев, покинувших родину по причине нестабильной политической ситуации или преследований на религиозной и этнической почве. Обретя в США свой дом и убежище, в то же время они продолжали непрерывно следить за

событиями, происходившими в их родных странах и в мусульманском мире в целом.

Из наиболее значимых событий, так или иначе повлиявших на умонастроения бывших и вновь прибывающих иммигрантов, надо отметить прежде всего арабо-израильскую войну 1967 г. и оккупацию Израилем Иерусалима, в котором находится третья по значимости святыня ислама мечеть Аль-Акса. Политические и религиозные страсти подогревались также благодаря притоку политизированных сирийцев, палестинцев и египтян. Как следствие, появились различные арабо-американские ассоциации, вызывавшие к религиозным чувствам американских мусульман. Арабо-израильская война 1973 г. еще более усилила политическую составляющую в умонастроениях и в деятельности мусульман-иммигрантов. Огромное влияние оказала исламская революция 1979 г. в Иране. Падение шахского режима и установление теократической власти аятоллы Хомейни, несмотря на то, что последний был шиитом, с восторгом встретили многие мусульмане независимо от этнического происхождения, политических взглядов и социального статуса. Более того, Иранская революция способствовала распространению религиозной шиитской литературы в США.

Таким образом, первоначальная политическая активность мусульман-иммигрантов, в отличие от «черных мусульман», определялась преимущественно внешнеполитическим фактором. Иммигранты практически не задумывались о своем месте в американском обществе, предпочитая соперничать и содействовать своей исторической родине. Те немногочисленные организации, которые они создали в 1960–1970-х гг., занимались, как правило, проблемами, связанными с мусульманскими странами, а также с чисто внутренними вопросами, не выходящими за рамки той или иной локальной мусульманской общины.

Однако к середине 1980-х гг. образованные мусульмане-иммигранты обнаружили, что они во многом упустили из вида свои собственные интересы на новой родине. К этому времени они прочно обосновались в американском обществе, имели, как правило, престижную высокооплачиваемую работу, заводили семьи. Иммигрантов стали больше интересовать насущные вопросы: будущее их детей в этой секулярной стране, проблемы национально-культурной и религиозной идентичности и др. В это же время смещаются акценты в деятельности как старых, так и новых иммигрантских организаций. Известный американский ученый арабского происхождения И. Хаддад считает основание Исламского общества Северной Америки (1981 г.) поворотным пунктом в эволюции иммигрантской мусульманской общины США. Как отмечает ученый, на смену «культурному самоотчуждению» мусульман США пришло «их экспериментальное участие в сфере политической жизни»⁴.

С этого времени заметно возросло количество организаций и ими были достигнуты определенные политические успехи. В результате агитационной деятельности ряда умеренных мусульманских групп все большее число американских мусульман стали склоняться к участию в выборах в различные органы власти. Их политическая активность была однозначно направлена на гармонизацию отношений с американским обществом. Однако этот процесс сложный и противоречивый. Умеренным активистам до сих пор приходится вести борьбу с организованной оппозицией, представленной такими группами, как «Таблиги Джамаат» и «Салафийя». Последние по-прежнему считают, что мусульмане должны сосредоточить свои усилия исключительно на исполнении культовых предписаний, распространении ислама и ни в коем случае не вступать в компромисс с «аморальной» политической системой США.

Сегодня американские мусульмане стоят перед важным выбором, последствия которого будут иметь огромное значение для Соединенных Штатов. Они должны решить, интегрироваться ли им в американское общество, исповедовать умеренный ислам или избрать путь сепаратизма и исламизма, т. е. сделать ставку на радикальный ислам. В первом случае они должны быть одновременно мусульманами и американцами, что предполагает уважение к американским законам и правилам, принципам демократии, гармоничное участие мусульман в общественной, культурной и политической жизни страны. Символом этого выбора можно рассматривать изображение американского флага на главной странице Исламского верховного совета Америки в сети Интернет.

Выразителем аналогичных взглядов среди афроамериканцев можно назвать Р. Крейна, бывшего советником президента Никсона по вопросам внешней политики. Р. Крейн считает, что Конституция США и Билль о правах по существу основаны на исламских ценностях и, следовательно, американское общество и ислам полностью совместимы: «Быть лучшим мусульманином значит быть хорошим американцем, быть лучшим американцем значит быть мусульманином»⁵.

Однако этой умеренной тенденции, в разной степени характерной для обеих мусульманских общин, противостоит так называемый радикальный, или политический, ислам. Политический ислам не приемлет компромисса с американской цивилизацией, в основе которой лежат христианские ценности и просветительские идеалы. Его сторонники, будучи чрезвычайно политизированными, в то же время категорически отказываются от участия в американской политической жизни как таковой. Исламисты видят в исламе ключ к решению всех социальных и моральных болезней современного американского общества. Они декларативно выступают за превращение Соединенных Штатов в мусульманское государство. По ироничному замечанию Д. Пайпса, «одни стремятся создать американский ислам, а другие – исламскую Америку»⁶.

Политический ислам в США не однороден. Среди коренных американцев он представлен в первую очередь радикальной организацией «черных мусульман» – «Нацией ислама». С момента своего создания эта организация всячески способствовала развитию черного национализма и сепаратизма, враждебных американской культуре и ее ценностям. «Вы не американские граждане»⁷, – обращался Илайджи Мухаммед, лидер «Нации ислама» (1933–1975), к своим сторонникам. Подавая личный пример, он демонстративно отказался от выполнения гражданского долга и предпочел тюрьму службе в армии, запретил своим последователям заводить персональный идентификационный номер. Его знаменитый ученик Малколм Х охарактеризовал Америку как олицетворение чистого зла и противопоставил ее исламу как олицетворению чистого добра. Все американское, говорил он, прямо противоположно тому, к чему стремится ислам⁸. Даже после разрыва с организацией Малколм Х подчеркивал, что он не американец⁹.

Антиамериканскую направленность «Нации ислама» продолжил ее нынешний лидер Луис Фаррахан. Еще в 1980-х гг. он угрожал привести армию черных мужчин и женщин в Вашингтон, чтобы добиться от президента согласия на создание «собственного штата или территории» для «черных мусульман»¹⁰. Еженедельная газета Фаррахана «Последний призыв» описывала жизнь людей в США как пребывание в «чреве чудовища»¹¹. Более того, находясь в Тегеране в феврале 1996 г., Фаррахан заявил, что бог разрушит Америку руками мусульман¹².

Иммигранты-исламисты придерживаются схожих взглядов – осуждают американскую мораль, гипертрофированную склонность американцев к потреблению, компромиссную социальную политику и дружественные отно-

шения с Израилем. Они говорят о «безграничной скупости» американского общества, об игнорировании интересов угнетенных людей¹³. Исламистский автор Марьям Джамилла, перешедшая в ислам из иудаизма, пишет в своей книге «Ислам против Запада»: «Страна, которая полтора столетия назад родила Авраама Линкольна, сегодня не смогла предложить миру ничего лучшего, чем кока-колу, жевательную резинку, вульгарные песни и непристойные фильмы»¹⁴.

По мнению Д. Пайпса, крупнейшие исламские организации в США на первый взгляд схожи с еврейскими. И те и другие занимаются вопросами дискриминации, межобщинными отношениями и ближневосточной политикой, проводят обеды, конференции и экскурсии на Капитолийский холм. Однако при ближайшем рассмотрении сходство на этом заканчивается. Еврейские иудейские организации и институты действуют в полном согласии с нормами американской политической жизни. Многие же мусульманские организации следуют исламистской программе, при этом, как отмечает один из умеренных мусульманских лидеров Мухаммед Хишам Каббани, исламистские радикалы руководят 80 % мечетей в США.

В настоящее время в США на представительство мусульманских политических интересов претендуют три организации мусульман-иммигрантов: Американский мусульманский совет, Совет по американо-исламским отношениям и Мусульманский комитет общественных дел. Нельзя безоговорочно утверждать, как это делает Д. Пайпс, что они являются исламистскими. Их цели тем не менее отнюдь не совпадают с демократическими принципами американского общества. В частности, все три организации стремятся получить особые привилегии для мусульман США (например, требование создать Мусульманский совещательный совет при Белом доме) и нередко используют тактику запугивания своих оппонентов. Есть предположительные сведения об их участии в создании фондов поддержки воинствующих исламистских групп за рубежом (например, Фонд Святой земли, закрытый за сбор средств для организации Хамас). С радикальным исламом в США связаны террористические акты последнего десятилетия. Однако убедительных фактов, подтверждающих их связь с вышеназванными организациями, не обнаружено.

Таким образом, примечательной чертой мусульманской общины США в настоящее время является радикализация той ее части, которая представляет иммигрантский ислам. Сегодня очевидно одно: несмотря на существование большого числа американцев, обращенных в ислам, именно мусульмане-иммигранты во многом определяют характер всей мусульманской общины США. Создание самостоятельного американского ислама, удаленного от таких исторических центров, как Египет и Пакистан, может стать определенным вызовом Соединенным Штатам в будущем.

¹ См.: Barboza S. Introduction: Allah's Will in America // American Jihad. New York, 1994. P. 7; Rifkin I. Muslims and the Ballot Box: Party Ties Nothing Sacred for Believers in America // Dallas Morning News. 1996. 17 August. P. 1G.

² Sharn L. Muslims Want a Place at Political Table: U.S. Activists Are Organizing, Registering and Energizing Voters // USA Today. 1996. 23 August. P. 4A.

³ См.: Allen E. Religious heterodoxy and nationalist tradition: The continuing evolution of the Nation of Islam // Black Scholar. 1996. Vol. 26. № 3/4. P. 2-34.

⁴ Haddad Y.Y. Maintaining the Faith of the Fathers // The Development of Arab-American Identity / Ed. E. McCarus. Michigan, 1994. P. 75.

⁵ Crane R.D. Shaping the Future: Challenge and Response. Acton, MA, 1997. P. 19.

⁶ Pipes D. Militant Islam Reaches America. New York, 2002. P. 139.

⁷ Muhammad E. Message to the Blackman. Atlanta, 1997. P. 130.

⁸ См.: Haley A. The Autobiography of Malcolm X. New York, 1964. P. 325.

⁹ См.: Breitman G. Malcolm X Speaks: Selected Speeches and Statements. New York, 1965. P. 26.

¹⁰ Pipes D. Op. cit. P. 128.

¹¹ Ibid.

¹² Pipes D. Op. cit. P. 128.

¹³ Lang J. Struggling to Surrender: Some Impressions of an American Convert to Islam. 2d rev. ed. Beltsville, M. D., 1995. P. 119.

¹⁴ Jameelah M. Islam versus the West. 6th ed. Lahor, 1984. P. 125.

Поступила в редакцию 30.04.2003.

Наталья Владимировна Кошелева – аспирантка кафедры истории нового и новейшего времени. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории БГПУ им. М. Танка Г.А. Космач.

Н.Н. ПРИСТУПА

ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ НАЦИОНАЛЬНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ (1930-е гг.)

Рассматривается деятельность Чехословацкой национально-социалистической партии в довоенный период. Акцентируется внимание на особенностях программы партии, месте в политической системе Чехословакии, отношении к официальной политике государства. Показано наличие внутрипартийных конфликтов, особенно проявившихся во время подписания Мюнхенского соглашения 1938 г., когда Чехословацкая национально-социалистическая партия прекратила свое существование.

This article deals with the activity of the Czechoslovak National Socialist Party in the pre-war period. It focuses attention on the characteristic features of its program, its place in the political system of Czechoslovakia and the attitude towards the official policy of the state. The existence of inner conflicts which influenced the party activity is shown. It is vivid from the investigation that these conflicts were the most acute ones at the time of Munich agreement when the party broke off.

Партия национальных рабочих, возникшая в 1897 г., в очередной раз поменяла свое название в 1926 г. С этого момента и вплоть до 1948 г. она называлась Чехословацкой национально-социалистической партией (ЧНСП). В апреле 1931 г. на XII съезде была принята ее новая программа, в создании которой принял активное участие член руководства партии и министр иностранных дел Э. Бенеш. Своей программой ЧНСП хотела четко отделить себя от остальных партий. Так, от национальных демократов ее отличал социализм и народность, от республиканской партии – призыв к национальному единению и желание дать уверенность «малому крестьянину», от ремесленной партии – неприятие классового эгоизма, от народной – требование отделения религии от политики, от коммунистов – отрицание марксизма и диктатуры пролетариата. От социал-демократов (ЧСДП) национальные социалисты отличались менее всего; чаще, чем с другими, эффективно сотрудничали, но тем не менее не хотели быть связанными идеями марксистского интернационализма¹. Заявив о социалистической природе своего движения, ЧНСП выводила свой национальный социализм из демократии, причем не только политической, но административной, экономической и культурной. В свою очередь этот идеал демократии становился проявлением гуманизма, что означало действительную борьбу против эксплуатации человека и действительную революцию в умах и сердцах людей².

Вследствие этого большинство исследователей видят в партии национальных социалистов лишь социалистов. Некоторые же (Е.Ф. Фирсов) говорят о ней как о «своеобразной партии предпринимательского типа». В качестве аргументов приводятся результаты дискуссии об отношении социал-демократии к ЧНСП, проходившей на рубеже 1920–1930-х гг.³, а также внутрипартийные материалы. Так, например, директор партийного издательства «Мелантрих» в личном послании Э. Бенешу характеризовал новую про-

¹ В ходе развернувшейся дискуссии в ЧСДП был сделан вывод о том, что ЧНСП совместно с другими буржуазными партиями ведет линию против социал-демократии. В связи с этим ЧСДП высказывала опасения о возможности ухудшения отношений между этими двумя партиями. (Фирсов Е.Ф. Опыт демократии в ЧСР при Томаше Масарике: коалиционный плюрализм (1928–1934). М., 1997. С.101.)

